

«Троянской притчи» — Парис пишет на белом убрусе красным вином. Это, действительно, весьма эффектно. Может быть, правда, здесь мы присутствуем при столкновении двух «окаменелостей»: белая скатерть — красное вино (в первом случае это несомненно), но, столкнувшись, окаменелость, так сказать, раскалывается, и получается картина в цвете.

По-видимому, и в рамках нормативной поэтики средневековья, в комплексе абстрактных, идеальных формул были возможны такие выходы за пределы жесткой поэтической конструкции. Интересно, что наиболее «окрашенным» оказывается самое талантливое произведение древнерусского словесного искусства — «Слово о полку Игореве».

Хочу тотчас же оговориться: колористическая исключительность «Слова» отнюдь не дает материала в руки скептиков: тогда придется объявить подделкой и «Задонщину» — в ней сравнительно очень много цветовых определений (как мне кажется, они обнаруживают несомненную вторичность по отношению к «Слову»).

В «Слове о полку Игореве» содержатся и хроматические, и ахроматические цвета. Начну с последних, так как неокрашенная гамма в самых разных языках играет значительно более весомую роль в фразеологических единицах, чем окрашенная.

Серый. Боян и Гзак сравниваются с серым волком; дружинники «как серые волки» скачут в поле. Сюда же, возможно, следует отнести и сравнение Игоря с «бусымъ влькомъ», а также загадочное «босуви врани». Ясно, что во всех этих случаях цвет — лишь переживание, в сражениях он играет второстепенную роль. «Серый волк» в тексте «Слова» — олицетворение прежде всего скорости. Оно с равным успехом прилагается и к врагам, и к тем героям, которым автор всецело сочувствует. В отличие от сочетания «босуви врани», этой фразеологической единице не придается зловещий оттенок.³³ Иное наполнение образа в аналогичных пассажах «Задонщины»: «И притекоша серые волцы ... ставши воют на рецы на Мечи, хотят наступати на Рускую землю». «То ти не серые волцы, но приидоша погании татарове, проити хотят воюючи всю Рускую землю». В этом классическом параллелизме «серые волки» выполняют зловещую функцию (стоит отметить, что значимость параллелизма подчеркнута — намеренно или случайно — и звукописью: серые волцы ... воют, серые волцы ... воюючи). Цвет забыт так же, как и в «Слове», но «серый волк» уже не олицетворяет скорость (этот оттенок — лишь оттенок! — ощущается в следующей фразе: «И отскочи поганый Мамай серым волком от своая дружины и претече к Кафы граду»), но нечто дурное, хищное.³⁴ «Слово» в данном случае

ний же традиционно «бесцветен». Если не считать Апокалипсиса, колористических определений едва ли наберется в нем более двух десятков.

³³ Ср. в былине «Калика-богатырь» (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. 3. Изд. 4-е, М.—Л., 1951, стр. 59):

Тут стоит ли силушка несметная,
А несметна сила непомерная,
В три часа серу волку да не обскакати,
В три часа ясну соколу да не облётети.

Интересно, что волку усваиваются те же свойства, что и соколу (ср. Бояна).

³⁴ Ср. былину «Три поездки Ильи Муромца» (Онежские былины, т. 3, стр. 164):

Да куски-ты разметал по чисту полю,
Да серым-то волкам на съедение,
Да черным воронам на погрáяньё.

Волк как символ беды — общее место в старинном русском искусстве. С образом волка в древней Руси связывалось представление о близости смерти. О зловещем